

Н. Жилина

Любовь как аксиологическое понятие в поэме Е. А. Баратынского «Эда»

Проблема любви, поставленная прежде всего как проблема любовной страсти, находилась в центре общественного внимания еще с античных времен, вызывая особый интерес философов и художников. В Новое время вопрос о сущности любви, воплощенный в художественной литературе ярче, чем в других видах искусства, стал еще более острым, поскольку важнейшей особенностью мировоззрения этой эпохи явилась сакрализация любви, возведение ее в ранг высших ценностей. Любовная страсть, осмысленная западноевропейской литературной традицией XVIII века как ни с чем не сравнимое, особое душевное состояние, высшая точка психологического развития, в творчестве романтиков стала изображаться уже как экстаз, как всеобъемлющее и молитвенное, воспламеняющее душу чувство, которое может вознести человека на вершину блаженства или повергнуть в пучину отчаяния. Романтическая любовь-страсть вбирала в себя всего человека, захватывала в плен все его существо и направляла все силы души на любимого, требуя ответной жертвенной самоотдачи. Европейские романтики возвели любовь в ранг религиозного слияния двух душ, в таинство мистического откровения. В христианской иерархии нравственных ценностей любовь является основополагающим понятием, поскольку именно ею, по евангельским представлениям, сотворен весь мир и все человечество. В душе каждого конкретного человека любовь проявляет себя самым естественным образом, так как «она насаждена в нас при нашем сотворении и поэтому непременно есть в каждом человеке» [8, с. 198]. Однако, будучи изначально прекрасной, как и прочие благие свойства, любовь подверглась серьезному повреждению прародительским грехом и требует исцеления огромными нравственными усилиями. Эта важная проблема заняла особое место и в русском литературном сознании первой трети XIX века.

Психология любовной страсти становится главным объектом изображения и в поэме Е. А. Баратынского «Эда» (1825), созданной под силь-

ным впечатлением от пушкинских поэм «Кавказский пленник» и «Бахчисарайский фонтан». Ее событийная канва, казалось бы, незатейлива и предельно проста: русский офицер из расквартированного в финском местечке полка добывается любви юной «финляндки Эды» [1, с. 229]; одержав победу и насладившись в полной мере, он начинает скучать. Через некоторое время в связи с начавшимися военными действиями полк переводят в другое место; не выдержав разлуки, Эда уходит из жизни. По мысли В. М. Жирмунского, эта поэма Баратынского возобновила «традицию "Бедной Лизы" в новом байроническом костюме» [4, с. 283]. Однако сам поэт признавался в письме к Козлову от 7 января 1825 года: «...мне не хотелось идти избитой дорогой, я не хотел подражать ни Байрону, ни Пушкину» [2, с. 66]. Год спустя в предисловии к «Эде» он напишет о том же, говоря о себе в третьем лице: «...следовать за Пушкиным ему показалось труднее и отважнее, нежели идти новою собственною дорогою» [1, с. 326]. «Новую дорогу» Баратынского исследователи видели, в первую очередь, в том шаге к реализму, который был сделан поэтом благодаря введению «разных прозаических подробностей» и отказу от «лирического тона» [2, с. 326], а также в новой организации конфликта [7, с. 174]. Однако безусловная новизна была и в самом подходе, в том аксиологическом ракурсе, через который давалось все изображение событий.

Прежде всего необходимо обратить внимание на характер главного персонажа поэмы: гусар Баратынского далек от того романтического героя, который в сознании русского читателя был связан с персонажами Байрона и Пушкина. Важнейшим качеством центрального действующего лица в романтической поэме было его безусловное превосходство над окружающими, которое выражалось не только во внешности, но и в его жизненной позиции. Отчужденный от людей, разочарованный и страдающий, такой герой не может принять того мира, в котором живет, его законов и принципов и, мучительно переживая его несовершенство, отвергает установленный свыше порядок. В гусаре Баратынского нет никаких признаков отчуждения от мира, как нет и примет его превосходства над окружающими. Нельзя не заметить, что характер героя сильно снижен и по сравнению с карамзинским Эрастом. Клянясь Лизе в вечной любви, мечтая о чистоте отношений («Я буду жить с Лизою как брат с сестрою, — думал он, — не употреблю во зло любви ее и буду всегда счастлив!» [5, с. 513]), Эраст искренне верит в свои слова. Авторский комментарий, который следует за этим внутренним монологом героя, призван дать понять читателю об истинном положении вещей: «Безрассудный молодой человек! <...> Всегда ли рассудок есть царь чувств твоих?» [5, с. 513]. События повести показывают со всей очевидностью, насколько человек не мо-

жет ручаться за самого себя и не волен в себе, если страсти берут в нем верх. Не случайно завязка повести сопровождается прямым авторским обращением к читателю, в котором дается своеобразная формула личности героя: «Эраст был довольно богатый дворянин, с изрядным разумом и добрым сердцем, добрым от природы, но слабым и ветреным» [5, с. 510]. Именно *доброе сердце* героя становится причиной его нравственной эволюции в конце повести: смерть Лизы произвела в его душе настоящий переворот, он страдает и мучается, не в силах простить себе своего страшного прегрешения.

Гусар Баратынского не обладает такой душевной сложностью, как персонажи-романтики, в то же время психологически он намного проще, чем герой Карамзина. Это личность, в своих эгоистических устремлениях остающаяся на житейском уровне и полностью озабоченная обычными земными интересами. Именно с этим связано отсутствие «обычных признаков любви центрального персонажа как высокой, всепоглощающей страсти. Это лишь порыв чувственности, "хладное искусство" и притворство, на смену которым — после достигнутой победы — пришли неясные угрызения совести, но главным образом — утомление и скука» [7, с. 175]. Исключительный герой романтической поэмы снижен здесь до уровня обыкновенного провинциального соблазнителя.

В этой поэме Баратынского центральный мужской персонаж не получает сколько-нибудь развернутой авторской характеристики, однако точно и глубоко его характеризуют детали его поведения, его обращение с Эдой, приемы и способы, употребляемые им для ее завоевания. Видимо, с этим связано замечание Е. Лебедева о том, что образ гусара стал «главным открытием» [6, с. 46] этой поэмы. Имитируя глубокое чувство, герой использует самые разные формы, чтобы воздействовать на неискушенную, не владеющую искусством притворства девушку. Начав беседу с сердечного обращения («Друг милый мой, малютка Эда» [1, с. 229]), он и заканчивает им же: «Доверься мне, друг милый мой!» [1, с. 229]. Свою роль в покорении сердца девушки должно сыграть и его прямое заявление, сделанное в начале разговора: «Верь, не коварен я душой...» [1, с. 229]. Далее герой применяет обычный для обольстителя прием, чтобы войти в доверие: объявляет о сходстве девушки с его любимой сестрой, оставленной на родине:

Там, далеко в стране родной,
Сестру я добрую имею,
Сестру чудесной красоты;
Я нежно, нежно дружен с нею,
И на нее похожа ты [1, с. 229].

У читателя не остается сомнений в том, что персонаж поэмы достаточно хорошо знает и понимает женскую психологию, это видно по тому, как он применяет различные маневры для завоевания юной финляндки. В игре, которая ведется с Эдой, гусар использует известные ему приемы поведения высокого героя романтического склада — несчастного, мучительно страдающего и разочарованного. При этом в ход идут и утвердившиеся в романтическом сознании языковые средства:

Я волю дал любви несчастной
И погубил, доверяясь ей,
За миг летящий, миг прекрасный
Всю красоту грядущих дней [1, с. 238], —

признается он девушке, говоря о необходимости предстоящей разлуки. В действительности ситуация оказывается сниженной почти до банальности: страстное чувство гусара на поверку оборачивается всего лишь обычным влечением физического свойства, что подтверждается полной потерей интереса к девушке после достижения желаемого. Нетрадиционной для романтической поэмы является та огромная дистанция, которая устанавливается между автором и героем: авторская позиция постоянно остается внешней по отношению к герою, авторская оценка его поступков всегда негативна. У читателя не может возникнуть никаких сомнений относительно мотивов поведения героя, тех целей, которые определяют его поступки, и, главное, относительно той системы ценностей, которую он исповедует. В поэме Баратынского перед читателем предстает человек, у которого отсутствует страх высшего суда: ему ничего не стоит дать клятву («Я твой губитель, Эда? Я? // Тогда пускай мне казнь любую // Пошлет небесный судия!» [1, с. 230]), которую он затем нарушает, легко заглушив в себе укоры совести. В своем гусаре Баратынский представил тип личности завоевателя — не случайно, придя для решительного разговора в комнату к Эде, он принимает позу Наполеона:

Взошел он с пасмурным лицом,
В молчанье сел, в молчанье руки
Сжал на груди своей крестом... [1, с. 237].

Однако герой Баратынского — завоеватель, представленный в своем сниженно-бытовом варианте. Наиболее ярким свидетельством тому был французский эпиграф, предпосланный поэме в первом отдельном издании и снятый поэтом в окончательном варианте. В русском переводе он звучал так: «Где привязан, там и пасется. *Пословица*» [1, с. 431].

С самого начала повествования читатель не может не заметить, что главные герои по-разному дистанцированы от автора: в то время как гусар пока-

зан лишь со стороны, внутренний мир Эды открыт для читателя, который в полной мере имеет возможность ей сопереживать, что уже само по себе является характеристическим приемом и выявляет авторское отношение. При этом позиция автора в художественном мире поэмы отличается активностью: на всем протяжении событий он не скрывает своего отношения к героям. Так, неприкрытая авторская оценка проявляется в словах *хитрец, обольститель, предатель*, которыми характеризуется гусар. Его слова, обращенные к Эде: «Верь, не коварен я душой...» [1, с. 229], сопровождаются ремаркой автора: «С улыбкой вкрадчивой и льстивой // Так говорил гусар красивый...» [1, с. 229], благодаря чему эксплицируется их истинный, совершенно противоположный смысл. Авторское отношение по-своему выражено и в способе номинации: факт безымянности главного героя (который до конца остается для читателя просто «гусаром», в то время как имя героини вынесено в заглавие) является знаменательным и также несет семантическую нагрузку. То же самое можно сказать и об изображении внешности: в противоположность герою, о котором сказано только «гусар красивый», портрет Эды рисуется достаточно подробно:

Прекрасней не было в горах:
Румянец нежный на щеках,
Летучий стан, власы златые
В небрежных кольцах по плечам,
И очи бледно-голубые,
Подобно финским небесам [1, с. 231].

Своеобразная формула характера героини — «Отца простого дочь простая» [1, с. 231], — которая дана в экспозиции, получает свое продолжение в сопряжении «красы лица» с «красой души» [1, с. 231]. Красота внутреннего мира Эды, его наивная простота и целомудренность, которые будут постепенно раскрываться перед читателем, неразрывно связаны с ее чистым, незамутненным восприятием мира: не случайно назвав ее «малюткой» [1, с. 235], автор на протяжении всех событий подчеркивает ее простодушие, доверчивость и детскость: «Веселость ясная сияла // В ее младенческих очах...» [1, с. 232], «И слезы детские у ней // Невольно льются из очей» [1, с. 236]. Эту же особенность подметил в героине Баратынского Пушкин: «Она любит как дитя, радуется его подаркам, резвится с ним, беспечно привыкает к его ласкам», — писал он в статье, посвященной творчеству поэта [9, т. 7, с. 224]. Выросшая на лоне суровой северной природы, вдалеке от пороков цивилизации, Эда еще не ведает зла и не понимает предостережений близких людей, о которых сама доверчиво рассказывает гусару:

Нам строго, строго не велят
Дружиться с вами. Говорят,
Что вероломны, злобны все вы,
Что вас бежать должны бы девы,
Что как-то губите вы нас,
Что пропадешь, когда полюбишь;
И ты, я думала не раз,
Ты, может быть, меня погубишь [1, с. 232].

Таким образом, героиня Баратынского предстает перед читателем как воплощение «естественного человека» — это дитя природы, обреченное на гибель при столкновении с пороками цивилизации. Образ Эды, по праву считает В. Э. Вацуро, «оказался в поэме наибольшей удачей; постепенное зарождение ее чувства к гусару, перерастающего в нежную и робкую привязанность, а затем в чувственную страсть, избражено Баратынским тонко и точно» [3, с. 385]. В своем развитии чувство Эды к офицеру проходит два этапа: в начале, признаваясь ему в сердечной склонности в ответ на его признание, она открывает ему те знаки, в которых проявляется ее чувство, чистосердечно удивляясь его непонятливости:

Ты мне любезен: не всегда ли
Я угождать тебе спешу?
Я с каждым утром приношу
Тебе цветы; я подарила
Тебе кольцо; всегда была
Твоим весельем весела;
С тобою грустным я грустила [1, с. 232].

Это время, когда любовь проявляется в сердце героини только в виде нежности. Своеобразным рубежом, отделяющим один этап жизни Эды от другого, становится полученный обманом первый поцелуй гусара, описание которого дается как бы «крупным планом» и сопровождается авторским комментарием:

Как он самим собой владел!
С какою медленностью томной,
И между тем как будто скромный,
Напечатлеть он ей умел
Свой поцелуй! Какое чувство
Ей в грудь младую влил он им!
И лобызанием таким
Владеет хладное искусство! [1, с. 233].

Автор, и раньше не скрывавший своего отношения к героине, здесь не может удержаться от горького восклицания:

Ах, Эда, Эда! Для чего
Такое долгое мгновенье
Во влажном пламени его
Пила ты страстное забвенье? [1, с. 233].

Именно после этого поцелуя психологическое состояние девушки кардинально изменяется: если раньше она «была беспечна, весела» [1, с. 234], «приветно и светло // Когда-то всем глядела в очи» [1, с. 234], то теперь «рассеянна, грустна; // В беседах вовсе не слышна; // Как прежде, ясного привета // Ни для кого во взорах нет...» [1, с. 235]. Перемены хорошо заметны и в ее внешности: до этого была «лицом спокойна и ясна» [1, с. 231], теперь же «то жарки щеки, то бесцветны, // И, тайной горести плоды, // Нередко свежие следы // Горючих слез на них заметны» [1, с. 235].

На примере героини Баратынского отчетливо видно неразрывное единство душевного и телесного уровней человеческой личности, о котором постоянно напоминает христианская антропология: «страсти гибельной полна» [1, с. 236], Эда переживает свое новое состояние как болезнь. «Сама волнением ужасным // Души своей утрачена» [1, с. 236], она испытывает мучительные переживания, вспоминая «дни сердечной чистоты» [1, с. 237], навсегда утраченной ею. Однако глубокие страдания, связанные с потерей душевного покоя («Ах, где ты, мир души моей!» [1, с. 236]), не помогают ей освободиться от того сердечного «плена», в который она попала. Собственное, отличное от других понимание Баратынским любовной страсти особенно хорошо заметно при сопоставлении Эды с бедной Лизой: героиня Карамзина не испытывала мучений, пока не узнала о предательстве Эраста; страдания Эды начинаются сразу же после страстного поцелуя, обманом полученного настойчивым гусаром. Баратынскому удается очень тонко передать особенности психологического состояния девушки, ее переживания в различные моменты общения с любимым человеком.

Решающий разговор, во время которого гусар (снова обманом) уговорил Эду пустить его ночью к ней в комнату, происходит в комнате девушки, при этом автор подчеркивает выразительную деталь: там на столе «святая Библия лежала» [1, с. 237]. Библия становится своеобразной участницей борьбы за Эду: перед приходом гусара под влиянием сурового предупреждения, сделанного ей отцом («Поверь, // Несдобровать тебе с гусаром!» [1, с. 236]), «она рассеянным перстом // Рассеянно перебирала // Ее измятые листы // И в дни сердечной чистоты // Не-

вольной думой улетала» [1, с. 237]. Сразу после произнесенного гусаром эмоционального монолога ей еще хватает решимости отказать ему, и помогает в этом именно Библия, которая служит ей своеобразной защитой: «Ко груди трепетной своей // Прижав ее: "Нет, нет, — сказала. <...> Оставь меня, лукавый дух!"» [1, с. 238—239]. Внутреннее нравственное чутье, женская интуиция очень точно подсказывают девушке опасность, связанную с просьбой гусара. Называя его «лукавым духом», она верно угадывает ту темную силу, которая помогает ему. Непосредственно вслед за Эдой об этом же говорит и сам автор, как и героиня, употребляя эвфемизм: «Но вправду враг ему едва ль // Не помогал» [1, с. 239]. Однако губительное действие страсти, как показывает Баратынский, проявляется и в том, что человек не в состоянии противиться любимому и уже не может не отдать себя ему во власть — так героиня поэмы, полюбив, предается возлюбленному всей душой, не имея сил сохранить свою внутреннюю независимость. Прямым свидетельством этому является ее ответ на его настойчивую просьбу, скорее даже требование о ночной встрече наедине: «...сжался надо мной! // Владею ль я сама собой! // И что я знаю!» [1, с. 239]. Несмелая попытка отказать гусару, подчинившись внутреннему голосу («"Поверь, опасен гость ночной!" — // Ей совесть робкая шепнула» [1, с. 239]), закончилась поражением: Эда оказалась не в силах побороть свои сомнения и уступила:

Я своенравна, в самом деле.
Пущу его: ведь миг со мной
Пробудет здесь любезный мой,
Потом навек уйдет отселе [1, с. 240].

Насколько точно предсказывало героине сердце, голос которого она не хотела слышать, неверность ее поступка, видно по следующей детали: только успела она отодвинуть задвижку, как «сердце сжала ей тоска» [1, с. 240] — эта тоска теперь не покинет ее до самой смерти. И даже поняв, как коварно гусар обманул ее, Эда не может не простить его, настолько душа ее переполнена чувствами к любимому. С глубокой горечью констатирует это автор:

Недолго, дева красоты,
Предателя чуждалась ты,
Томяся грустью безотрадной!
Ты уступила сердцу вновь:
Простила нежная любовь
Любви коварной и нещадной [1, с. 241].

Глубокая интуиция девушки проявляется во время разговора у ручья, когда она сравнивает себя с цветком, сорванным дорогой, а затем брошенным в воду гусаром [1, с. 242]. Но даже догадываясь об истинном его отношении к ней, Эда, и раньше не имевшая сил противостоять любимому, теперь еще меньше готова к этому:

Идет поспешно день за днем.
Гусару дева молодая
Уже покорствует во всем.
За ним она, как лань ручная,
Повсюду ходит [1, с. 241].

Понимая, что предстоящей разлуки избежать невозможно, Эда надеется не дожить до нее и напрягает все свои душевные силы, чтобы скрыть томящую ее тоску. В сцене прощания, написанной в романтическом ключе, Баратынский сумел глубоко и точно передать психологическое состояние Эды, остающейся после отъезда любимого с опустошенную душу:

Уж по далекому пути
Он поскакал. Уж за холмами
Не виден он твоим очам...
Согнув колена, к небесам
Она сперва воздела руки,
За ним простерла их потом
И в прах поверглася лицом
С глухим стенаньем смертной муки [1, с. 243].

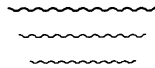
Так же как героини Карамзина и Байрона, Эда умирает, не в силах вынести разлуку с любимым; судя по тому, что ее могила находится за кладбищенской оградой, она покончила с собой. Самоубийство понимается христианством как следствие тяжкого недуга души, погруженной в уныние, сосредоточенной на одной страсти, одержимой одной идеей. Именно такую ситуацию показывает в своей поэме Баратынский.

Хотя внешний план художественного конфликта (противопоставление естественного человека цивилизованному) в этой поэме Баратынского обозначен более явно, главным все же является его внутренний, аксиологический уровень. В центре внимания автора оказываются прежде всего те системы ценностей, в соответствии с которыми его герои строят свое поведение и делают свой жизненный выбор: поступки гусара определяются желанием телесных наслаждений, что заставляет его забыть о понятии греха, о том, что существует высший суд. Для героини же единственной целью и смыслом ее существования стано-

вится ее избранник, с исчезновением которого она лишает себя жизни. Так обнаруживает свою разрушительную силу чувство, которое изначально должно было быть прекрасным, но в греховной человеческой душе претерпело серьезную трансформацию, превратившись в причину неизбежной трагедии.

Список литературы

1. *Баратынский Е. А.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1989.
2. *Баратынский Е. А.* Разума великолепный пир: о литературе и искусстве. М., 1981.
3. *Вацуро В. Э.* Е. А. Баратынский // История русской литературы: в 4 т. Л., 1980—1983. Т. 2.
4. *Жирмунский В. М.* Байрон и Пушкин. Л., 1978.
5. *Карамзин Н. М.* Соч.: в 2 т. Л., 1984. Т. 1.
6. *Лебедев Е. Н.* Тризна: книга о Е. А. Боратынском. СПб.; М., 2000.
7. *Манн Ю. В.* Поэтика русского романтизма. М., 1976.
8. *Практическая энциклопедия: Основы правильной духовной жизни: по творениям святителя Игнатия (Брянчанинова).* СПб., 2003.
9. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. М., 1958.

III

Генрих фон Клейст

200 лет со дня смерти